

54 рефлексии

Александр Хомяков

«Прусский пуризм» / Метафоры скупого рыцаря О ренессансе берлинской архитектуры

Трудно отказаться от соблазна и не принять участие в обсуждении наиболее знаменательных профессиональных явлений современности. Сегодня на прилавках книжных магазинов появляются все новые и новые издания, анализирующие архитектурные вехи последнего десятилетия. Специальные каталоги и журналы заполнены комментариями к наиболее ярким и, наоборот, типичным событиям, развернувшимся на мировой архитектурной сцене. К таким событиям, несомненно, можно отнести архитектурное становление (или возрождение) двух европейских столиц - Берлина и Москвы.

Наблюдая за динамикой двух этих гигантских строек из Берлина, возникает желание поделить своими впечатлениями и внести дополнения в их осмысление.

Феномену возрождения двух европейских Вавилонов в последнее время уделяется много внимания. Однако большинство этих работ носит скорее описательный, нежели аналитический характер. Да, построено очень много. Да, фигурируют известные мастера, крупные инвесторы с мировыми именами и т.д. Суть же явления в том, что схожие задачи решаются при помощи разных стратегий на основе различных доктрин.

В действительности, в последнее десятилетие XX в. два мегаполиса оказались перед лицом одной и той же проблемы - воссоздания столицы единого государства. Находит еще одно подтверждение извечный дуализм и в то же время схожесть исторических судеб русского и немецкого народов - революции 1910-1920-х гг., тоталитарные режимы последующих десятилетий, суперстройки 1990-х. Последние, к счастью, без духа состязания и конкуренции - слишком велика степень позитивного энтузиазма. В таких случаях нет дела до того, что происходит на параллельной строительной площадке.

Г.Колхофф, Х.Тиммерманн. Офисно-жилое здание на Фридрихштрассе. 1997-1999 гг.

Е.-П.Кляйхус. Офисно-жилое здание «Призма-хаус» на площади у Новых ворот. 1994-1998 гг.

Эллер+Эллер. Офисное здание на Райнхардтштрассе. 1994-1995 гг.

М.Дудлер. Министерство транспортного и жилого строительства. 1997-1999 гг.

Г.Колхофф. Штаб-квартира «Даймлер Бенц» на Альтепотсдамерштрассе. 1994-1999 гг.

H.Kollhoff, H.Timmermann. Office-residential building in Friedrichstrasse. 1997-1999.

J.-P.Kleihues. Office-residential building «Prism-house» in the square of the New gates. 1994-1998.

Eller+Eller. Office building in Reinhardtstrasse. 1994-1995.

M.Dudler. Ministry of transport and housing construction. 1997-1999.

H.Kollhoff. Headquarters of «Daimler-Benz» in Altepottsdamerstrasse. 1994-1999.

Впрочем, в середине 1990-х имел место обмен малогабаритными выставками, которые, в целом, были чисто информативными и сводились, по сути, к регистрации различных архитектурных предпочтений и критике стилей. В Москве были удивлены прагматичной сухостью берлинских «блоков», в Берлине - загадочным многословием московских «тортов». Это - на эмоциональном уровне, на организационном же - в обоих случаях налицо координирующая роль первых лиц города. В Москве - это мэр Лужков и его первые замы, лично контролирующие проектирование и строительство, в Берлине - генеральный строительный директор Штимман.

В обоих случаях в качестве идеологического базиса принимается исторический посыл. Москва выбирает новый «а ля рюсс» - отечественные апологеты и оппоненты давно и усердно упражняются в оценках «московского пути». Однако что же происходит на другой стороне? Не претендуя на аналитический пафос, попробую охарактеризовать явление, которое можно было бы называть «пруссский пуризм».

Итак, подобно Москве, Берлин выбирает историзм в качестве идеологической доктрины воссоздания столицы. Историзм, однако, не дословный, а в его социально-пространственном и культурно-эстетическом выражении: янсыость и дисциплина, прямолинейность и открытость. Такова и общая градостроительная стратегия - широко распространена тема вертикальных доминант и умеренной - 5-6 этажей - высоты достроек до фактической и логической симметрии или пространственного равновесия.

Для центральных зон Берлина в подавляющем большинстве случаев градостроительные предложения сводятся к более или менее подлинному воссозданию исторического пространства. Для новых - характерны поиски «экспери-

56 ре ф л е к с и и

ментальных» градостроительных мотивов с табу на искажение любых имеющихся исторических следов: их бережно встраивают в новую планировочную структуру. Вершиной подобного подхода здесь считаются темы какого-либо перфорационного узора или раstra с широким контрастным жестом в решении рекреационной зоны, например, прямоугольного или дугообразного в плане, регулярного или пейзажного ландшафтного парка с обязательной системой бельведерных площадок. Тем самым проект получает привязку к исторической теме, но, в целом, благодаря геометрической структуре, выглядит довольно современно и жестко.

Конечно, данная характеристика намеренно утрирована - так проще выразить тенденцию. Но фактически подобный подход к планировке новостроек германской столицы выдерживается в последние десять лет, в общем, неукоснительно. Исключение составляют градостроительные проекты Либескинда и его эпигонов, время от времени получающих первые премии за разработку решений отдельных пригородов Берлина.

Объемное проектирование для центра города также в культурно-эстетическом плане ориентировано на традиционную прусскую архитектурную школу. Такие архитекторы, как Кляйхус, Колхофф, Дудлер, Эллер+Эллер, Небель, Бумиллер, вероятно, сформулировали новый архитектурный язык, который и можно было бы окрестить как «пруссский пуризм». Массивные, невысокие, прямоугольные квадраты с более чем сдержанными тектоническими членениями и отделкой - таковы основные образные параметры этого архитектурного явления. Широко распространены цитаты традиционной берлинской фасадной темы - один или два симметричных эркера, сдвинутая вглубь здания мансарда, активное выделение вертикалей, выходящих на перекресток. Наиболее частое клише - входной портал-ниша с одной или несколькими тонкими опорами высотой в несколько этажей. Ревностно выдерживается единая высота фронта уличной застройки - 5-6 этажей.

В силу такой пространственной и конструктивной заданности главное внимание в поиске архитектурного интереса часто фокусируется на художествен-

ных акцентах. Впрочем, детализировка нередко страдает по экономическим соображениям - инвесторам ближе более прозаические мотивы.

Такая же осторожность и дисциплинированность наблюдается и при подходе к цветовому решению новых объектов. Скрупулезный поиск соотношений оттенков серого цвета заставляет вспомнить известную сентенцию: «Люди думают, что выбирают между черным и белым - в действительности, это выбор между оттенками серого». Тем не менее эти поиски иногда заканчиваются выбором черного цвета. Показательно, что менее прагматичные архитекторы, идя навстречу заказчикам, используют контрастные цветовые вкрапления - канареечный, турецкий зеленый и др.

Вообще справедливости ради следует отметить, что параллельно «прусскому пуризму» - или на его крайне левом фланге - развивается довольно пластичная живая архитектура, исповедуемая бюро Леон-Вольхаге, Заурбрех-Хаттон, Ассман-Саломон, Квик, Бэкманн и др. Им свойствен демократичный интернациональный подход к берлинской субстанции - сдержанная криволинейность, скругленность, выпуклые и вогнутые поверхности тематизируются умеренно-пестрым цветовым сопровождением. Заметно, что, как и в Москве, эти «новые современные» захватывают все более весомые позиции на столичной архитектурной сцене, оттесняя прагматиков в центральные правительственные зоны города.

Признаться, общая картина «прусского пуризма» выглядит довольно цельно и вызывает, наверное, скорее позитивные впечатления - очевидно, что корректно поставленные задачи решаются профессионально и мужественно (сознательно избегают определения «смело»). В проектном арсенале используются сугубо традиционные понятия и средства. Здесь проявляется и тевтонская тяга к волевым решениям, и эстетическая скупость, и любовь к инженерным новациям.

Вполне последовательно в рамках «прусского пуризма» получили творческое развитие все наиболее значительные для данного места стили - грюндерский (XIX-XX вв.), модерн, функционализм, имперский (1930-1940-е гг.) и - далее

Х.Леон, К.Вольхаге.

Представительство города Бремен в Берлине
на Хиросимастрассе. 1998-1999 гг.

Квик, Бэкманн, Квик.

Торгово-деловой дом-галерея
на Шлоссштрассе. 1993-1994 гг.

H.Leon, K.Wohlhage.

Representative office of Bremen in Berlin
in Hiroshimastrasse. 1998-1999.

Quick, Backmann, Quick.

Shopping-business house-gallery
in Shlossestrasse. 1993-1994.

Ассман, Саломон и Шайдт. Офисно-жилое здание на Шлосштрассе. 1991-1992 гг.
Г.Бумиллер. Жилой дом служащих Бундестага на Паульштрассе. 1997-1999 гг.
М.Зауэрбрух/Л.Хаттон. Инновационный центр «Фотоника» на Рудовер-шоссе. 1996-1998 гг.
Assman, Salomon and Scheidt. Office-residential building in Shlossestrasse. 1991-1992.
G.Bumiller. Residential house for Bundestag staff in Paulstrasse. 1997-1999.
M.Sauerbruch/L.Hutton. Innovation center «Photonica» in Rudover highway. 1996-1998.

- современный интернациональный. Показательно, что определение «жесткая вещь» часто воспринимается в берлинском архитектурном цехе как позитивная оценка.

В состоящих в своем бесконечном аскетизме кварталах центра города вовсе нет позы, но есть провокативность: попробуй сделать проще и чище! То есть достигнуть предела в эмоциональном самоограничении, в то же время выполняя все требования заказчика.

С другой стороны, подобный прагматизм может восприниматься с известным скепсисом. Действительно: понятно, плакатно, последовательно, качественно, но - прозаично и пресно, может быть, даже безрадостно. Такое суждение, кстати, нередко можно услышать от русских, американских, голландских и др. коллег, от тех, кто не испытывает тяги к аскезе.

Вообще, вопрос, что кому больше нравится, надо, как писал наш классик, рассматривать с классовых позиций. Естественно, что «новым русским» или богатым американцам ближе эклектика, состоятельным европейцам - минимализм и т.д. Но показывая на протяжении нескольких лет российским и другим коллегам новые постройки Берлина, не могу не выделить некоторые из них, вызывающие у всех без исключения единодушный интерес и одобрение. По своей природе они укладываются в формат «прусского пуризма», но, по сути, интеллектуально неизмеримо глубже остальных.

Появление этих объектов в общем-то было предопределено. Ведь известно, что Германия знаменита не только математиками и материалистами, но и романтиками, не говоря уже об утопистах. Видимо, поэтому и появилась в недрах «большого» стиля группа объектов, отличающихся от общей массы неожиданной метафоричностью. В них помимо социально-функциональных

и художественно-эстетических решаются также задачи концептуального порядка, что сообщает им философское и в известной мере литературное измерение. Такие произведения можно объяснить словами; помимо логики пространственной в них наличествует логика повествовательная.

Как назвать этот род сооружений? Термин «концептуальная архитектура», вероятно, наиболее уместен. Ведь это не так называемые «дома с окнами», которые можно воспринимать только визуально, потому что важно видеть соотношение пропорций, цвета, деталей. «Дома с окнами» трудно описать или выразить в пересказе. Можно, конечно, но это будет тягостный процесс: стены из такого-то камня, окна квадратные, кровля плоская и т.д. Для концептуальных сооружений подобная система оценки не работает - или просто не играет большой роли. Как это кошунственно не звучит - здесь не важны детали. Пафос и эффект общего пространственного замысла своей многозначностью или, наоборот, однозначной декларативностью заслоняет все второстепенное, вытесняя из восприятия детали, оставляя лишь переживание, впечатление от декларации.

Окончание в следующем номере

